

Юрий Викторович Туйск — мой ровесник, дитя Ленинградской блокады. Высокий, крупный, с внимательным, готовым к улыбке лицом. Геолог, педагог, один из крупнейших знатоков минералов, автор многих книг, в их числе популярной книги «Таинственный мир самоцветов». Она подтверждает вывод многих авторов, писавших о драгоценностях и судьбах людей, ими владевших, о том, что обладание алмазами, бриллиантами, изумрудами, как правило, приносит несчастье.

Мы с ним познакомились почти сорок лет назад, когда в поездку по Ленинградской области нас пригласила его жена Оксана Владимировна Соколова — ответственный секретарь Общества книголюбов Ждановского (ныне Приморского) района Ленинграда. В сельском Доме культуры я представил свою книгу — про юного партизана Великой Отечественной войны Сашу Бородулина «Остаюсь в заслоне». Из зала на сцену вышел пожилой человек и сказал, что моя книга и про него тоже, потому что он участник описываемых в ней событий.

Все мы тогда порадовались такой встрече, а Юрий Викторович как-то особенно живо воспринял необычный эпизод и сказал, что это большая удача автора — встретить в жизни одного из героев своей книги.

С нами в поездке была пятнадцатилетняя дочка Оксаны Владимировны. Как-то, идя по дороге к лесу, она подняла красивый камешек и показала Юрию Викторовичу:

— Мне кажется, он тоже драгоценный.

Юрий Викторович внимательно оглядел его, сказал, что это кремень, и стал рассказывать о его целебных свойствах и о нём с таким знанием дела и так тепло, как будто случайный придорожный камень имел живую душу и особенную судьбу.

Я не удержался от шутки:

— Ну, Юрий Викторович, вы рассказали, как настоящий художник. Вас хоть сейчас можно принимать в Союз писателей по устному жанру. Хорошо бы этот же рассказ выразить на бумаге.

— Что вы, что вы, — улыбнулся он. — Просто я знаю камни, я долго их изучал.

Наверное, со временем я бы забыл о нашем разговоре, но вскоре в различных ленинградских и петербургских изданиях мне стали

попадаться рассказы и очерки Юрия Туйска. А затем и книги явились — одна лучше другой: «Каменные грани Петербурга», «Красоты России», «Повесть о послевоенном детстве» и др. А только что издательство «Страта» выпустило его новую, весьма необычную книгу «Поэзия и самоцветы». В своём предисловии к ней автор говорит: «Прошли годы, когда я уже не мог (по разным причинам) ездить за камнями, но желание общаться с ними не исчезло. Минералы поселились в моей душе навсегда. И вот тогда родилась мысль встретиться с ними на страницах книг поэзии и прозы. (...)

Не помню, кто из учёных, писателей или мыслителей заметил, что драгоценные камни имеют связь с Миром Духовным. Доказательств этому искать не нужно. Достаточно открыть “Божественную комедию” Данте и найти в ней такие строки:

Отрадный цвет восточного сапфира,
Накопленный в воздушной вышине,
Прозрачный вплоть до первой тверди мира,
Опять мне очи упоил вполне.

И не о такой ли божественной связи говорит нам Франсуа Тристан Лермит в оде “Место для прогулки влюблённых”, когда пишет:

Нагнись над зыбью — и в сапфирах
Вод затемнённых узришь ты
Твой облик, полный красоты,
Очаровательнейший в мире! *(Перевод М. Лозинского)*»

Пожалуй, нет ни одного поэта-классика, кого не вдохновляла бы магия камней. Иван Алексеевич Бунин, несомненно, воспринимал ауру камней. Она помогала ему в написании ряда стихов, в том числе и умения передать красоту раннего утра на берегу моря.

Зелёный цвет морской воды
Сквозит в стеклянном небосклоне,
Алмаз предутренней звезды
Блестит в его прозрачном лоне.

Наш современник, писатель, поэт Герман Николаевич Ионин в поэме «Перед Рождеством» говорит об этом совершенно конкретно:

Перед рождением лазурь и благодать,
Прозрачный аметист вечернего начала.
Как хорошо таким сознанием обладать,
И не терять его. И начинать сначала.

В книге «Поэзия и самоцветы» собраны стихи классиков литературы — Пушкина, Фета, Гёте, Низами... И многих современных поэтов. Представлю чудесное стихотворение «Обсидиан» петербургского автора Татьяны Лестевой:

Обсидиан — печали камень,
Смотрю я на тебя, грустя.
Ты был стеклом. Вулкана пламень
Играл тобою, не шутя.
Когда же в руки ювелира
Ты волею судеб попал,
То тёмно-серые отливы
Он слой за слоем обнажал.
А я не камень. Я живая.
Меня не нужно шлифовать.
Ты — ювелир в душе, я знаю.
Обсидиану я под стать.
И траурные переливы
Сменяет вдруг огонь вулкана,
Иль тихой нежности порывы
Мерцают у обсидиана.
Но всё же ты, обсидиан,
Ты — камень траурный, печальный.
Душевных не врачуешь ран.
И тих твой блеск. Как звон прощальный.

Остаётся добавить, что книга прекрасно иллюстрирована, в ней множество цветных изображений драгоценных камней. Одна беда — вышла она тиражом всего 200 экземпляров.

Санкт-Петербург